

ПРОЗА

ТАТЬЯНА СОКОЛОВА

ПОД БОЛЬШОЙ МЕДВЕДИЦЕЙ

РАССКАЗ

Лишь тебе я не успела рассказать, как небо было темно, низко, серо. Много лет подряд, а может быть, всегда. Я смотрю в это небо давно. Я видела его разным. Но таким я не видела его никогда. Когда ты стоял у моего окна и вдруг сказал:

— Посмотри-ка! Ты ведь спишь под Большой Медведицей. Не живёшь, а мечтаешь.

Мне показалось, ты не прав, я тут же встала из-за стола, подошла к тебе и взяла тебя за руку. И, конечно, я посмотрела в окно. А его — обыкновенного, прямоугольного: большое стекло слева, справа узкая фрамуга с крохотной форточкой, за окном — монолиты домов-громадин с жёлтыми квадратами нескольких словно бы никогда не спящих окон, между домами небольшой проём, в котором видно то, что в суете своей люди называют небом, — ничего этого больше не было. Был только правильный чёрный квадрат. И этот квадрат был неправилен. Не может небо быть квадратным, не должно.

Когда-то я жила в широком поле, там небо было лёгким покрывалом, края которого обрамлялись полукружьями горизонта; далёкие леса и редкие строения казались на краях его мягкими ворсистыми складками. И покрывало было всё из мириад блёсток, невесомых, недвижных, необъяснимых в лёгкости и прочности своей, пока к ним не приблизишься. И я любила на

СОКОЛОВА Татьяна Фёдоровна родилась в 1952 году в селе Чумляк Курганской области. Окончила Челябинский государственный институт культуры. Автор нескольких книг прозы. Лауреат Всероссийской литературной премии им. Д. Н. Мамина-Сибиряка. Председатель Пермской краевой организации Союза писателей России. Живет в Перми

них смотреть, словно бы между ними гуляя, угадывая или сочиняя из них правильные и не очень правильные фигуры созвездий. А они двигались, и словно танцевали, не покидая своего места, рассыпались в моих руках, расступались под ногами, пропуская меня вдаль и вглубь, слепили глаза и звенели над моей головой разными голосами. Они даже смеялись, и пели, и что-то рассказывали мне звонким шёпотом.

Давно всё это исчезло, не стоит об этом вспоминать. Вообще как можно реже надо вспоминать, иначе не поймёшь того, что происходит ныне. А ныне был этот правильный чёрный квадрат. И не было у квадрата размеров, и был он совсем рядом, я даже ощутила его ворсистую бархатную поверхность. И в этом квадрате было только семь звёзд Большой Медведицы — лишь они — крупные, прочные, единые в своем семицветье.

И что-то струнулось в груди моей, вернее, как-то так соединилось, забытое и странное, как сон, когда душа моя стала маленьким тихим озером, совсем маленьким, в большом глухом лесу, высоком, — черно-зелёным маленьким озером от нависших над ним древних елей. И небо там было таким же маленьким, как озеро под ним, — кружок, обрамлённый острыми верхушками елей. Совершенно точно, что в этом кружке не было звёзд, он был как чёрный монолит. И откуда было бы в таком небе взяться ветру? Его и не было никогда. А вот слетел, в то самое мгновение, которое мне словно бы приснилось. Он слетел на озеро, и озеру показалось, что сейчас оно либо разорвётся на брызги и исчезнет вовсе, либо ветер обовьёт его, и подхватит, и унесёт вверх, туда, где очень страшно. Люди настойчиво называют это любовью, хоть это и неправильно.

Хоть и неправильно, но это произошло, когда я подошла к тебе и взяла тебя за руку, когда от меня самой во мне осталась только моя рука в твоей руке. Я словно бы исчезла вместе с мучавшим меня многолетним сиротством, когда самой себе кажешься как бы собранной из множества осколков мозаикой, готовой в любое мгновение рассыпаться. Теперь меня не было, но я была самой собою, потому что стала неотделимой частью чего-то огромного, необъятного даже. Так получилось. Наверно, это могло быть и по-другому, но этим огромно-необъятным стал для меня правильный чёрный квадрат, недостижимый и близкий, тяжёлый, упругий и бархатно мягкий. Но и он был бы ничто или его могло не быть вовсе, если бы мы с тобою вдвоем не сидели в это мгновение на золотом блистающих качелях, которые держались на двух ясно видимых, исходящих от Большой Медведицы невесомых цепях, и качели раскачивались, раскачивались.

— А теперь пора уж спать, — неожиданно сказал ты.

И только тогда я посмотрела на тебя. Ты действительно стоял рядом. Ты показался мне совсем другим, совсем не тем, с которым только что сидела я на золотых качелях под Большой Медведицей. И я очень рассердилась, потому что очень долго о тебе мечтала, без всяких конкретностей, мне всегда хотелось просто быть с тобою рядом.

— Ты некрасивый и толстый, — сказала совершенно серьёзно. — И тебе давно пора уходить.

Ты в ответ рассмеялся. Ты так умеешь обратить в шутку любую нелепость и даже грубость, что всем всегда легко с тобою и все всегда хотят рядом с тобою быть.

— Ну, тогда я пошёл, — ответил ты, как всегда безмятежно, и ушёл, по-своему, легко, будто ничего не случилось и даже не произошло: так, среди улицы, случайно встретились давние знакомые, поболтали о том, о сём, да и разошлись.

И хорошо, что ничего не случилось и даже не произошло, думала я потом, да и сразу тоже. Мы живём на Земле, у каждого из нас много дел, и долгов, и обязанностей, и чем дальше — тем больше. Когда жизнь у человека уже сложилась, неважно, сколько ему лет, не надо, чтобы в ней что-нибудь неожиданное происходило или случалось, бесполезно это человеку, каким бы оно заманчивым и даже обольстительным поначалу ни представлялось. Тем более любовь-морковь — всё это выдумки поэтов, завитушки для украшения одного из инстинктов. Ох, уж эти поэты! Большинство из них

давно уж никогда не следует собственным советам. А эти глупенькие девочки, заранее в них влюблённые и горько так разочарованные после — где поэтические красота и ум, и вдохновенная глубинность чувств, так горячо заявленные в стихотворениях?!

От этих рассуждений мне не могло быть легче. Ты тоже Поэт. Но к тебе всё это не относилось. Поэт, красавец, умник, ты не был ловеласом, и это знали все. Никто не знал, кто ты на самом деле. Ты мало говорил, молчал и слушал, твои редкие слова были просты, и потому их трудно было оспорить. Никто и не спорил с тобою, тебя все любили, если за любовь признавать тихую радость, которая входила вместе с тобой, умиротворяя любую буйную компанию, и эта радость некоторое время ещё оставалась, когда ты выходил, всегда незаметно. Ну, что ещё? Ты был рус, светлоглаз и строен. Любые лохмотья на тебе казались изысканнее царских одежд. Да, ангел, никто и не сомневался. Но никто и не знал, как вести себя с ангелом — не обидишь его, не унизишь.

Так рассуждала я сама с собою, потому что больше-то не с кем было. Да и о чём? Ничего ведь и не случилось. Ну, зашёл ко мне случайно ангел, ну, хотел ненадолго задержаться — я оказалась к этому не готовой — дак и всё, как говорится, проехали.

А потом случился как-то сильный ветер, очень страшный ветер, он ломал деревья и даже сдёргивал крыши с маленьких домов. Зачем мне понадобилось выйти на улицу, не знаю. И улица была пустынна. Люди боялись пронесшегося на днях над Европой урагана: вдруг да это не просто ветер, а тот ураган добрался до нас, на самый восточный край этой самой Европы. Так люди боялись, что без крайней надобности никто из домов не выходил.

— Что с тобой? Ты куда это? Лети-ишь. — Передо мной оказалась вдруг Наташка, недолгая подруга по перестроечной нищете, муж которой нашёл, наконец, свою нишу, стал делать неплохие деньги, и видеться мы почти перестали.

— Не знаю, — честно ответила я и даже не удивилась, что Наташку выгнало на улицу при такой погоде, когда у неё теперь холодильники всегда забиты едой, которой хватит до второго пришествия, а детей её ходят учить на дом самые дорогие учителя. — Так. Звёзды.

При чём тут были звёзды, я и сама не поняла, но в небо посмотрела, конечно, никаких звёзд там не было, был, кажется, октябрь, и ранний тёмный вечер, внизу был сумрак, а сверху как-то бело и что-то там, тяжёлое и мрачное, клубилось, ведь был же страшный ветер, почти ураган.

— Какие-такие звёзды? — прокричала в ответ Наташка и тоже взглянула в небо. — Ты смотри, осторожнее с этими звёздами, — очень серьёзно сказала Наташка, — а то, и правда, улетишь. — И пошла, будто только для этого мы и встретились, будто никакого ветра вокруг вовсе не было, спокойно и твердо.

Наташка знала, о чём говорит. Став неожиданно богатой, только этими звёздами она всех и утомляла, слова от неё нельзя было добиться запросто, без непременно астрологических комментариев. Весь дом свой Наташка завалила тогда книжицами на эту тему, а потом неожиданно впала в необъяснимую хандру и решила немедленно либо покончить с собой, либо развестись с мужем.

И почему-то мне показалось, и про меня она всё теперь знает.

Дело в том, что после того, как у нас с тобой ничего не случилось, я потеряла Большую Медведицу. Её просто не было больше в моём, всегда звёздном окне. Я позвонила даже в планетарий и спросила, куда могло подеваться такое большое созвездие, ведь стороны света не могут перемениться, и окно моё по-прежнему смотрит на северо-запад. Мне объяснили что-то про облачность и градусы смещения. При всём при этом ты приходил ко мне и так же стоял у моего окна. Я всё ждала, когда ты вспомнишь про Большую Медведицу. А ты не вспоминал, не замечая, как мучительна мне эта беспомощность.

Но я не обижалась. Что-то неправильное происходило со мною. Чем дольше я не видела тебя, тем радостней и легче мне было жить. Хотя жизнь

с каждым днём становилась всё более невыносимой. Люди всё ожесточеннее судили друг друга, они заставляли судить и других. А я не могла. Порой мне становилось очень тяжело, ведь это длилось годы: люди всё о чём-то кричали, друг друга и всех во всём обвиняя. И чем громче они кричали, тем чаще я вдруг оказывалась рядом с тобою на наших золотых качелях.

Неслышно позванивали лёгкие качельные цепи, ты молчал, и молчала я, и небо, уже знакомое нам и нам родное, нас с тобою как своих принимало, и мы раскачивались, раскачивались, а Большая Медведица, улыбаясь, сверху смотрела на нас. Я в ответ ей всегда улыбалась, а кричащие люди вокруг вдруг замолкали и смотрели на меня как на безумную.

— Привет, — говорил ты, реальный, неожиданно всегда появляясь.

— Привет, — испуганно и недоуменно отвечала я, потому что меня рядом с тобою в эти мгновенья вовсе не было.

В эти мгновенья я одна сидела на наших с тобою качелях, мне было особенно больно и одиноко, ведь голос твой доносился до меня словно бы снизу и издалека. Я никак не могла понять, о чём ты говоришь со мною и что тебе от меня нужно, я отвечала тебе запоздало, лениво и невпопад, судила тебя, капризничала и грубила. Ты читал мне свои новые стихи, я не слышала их, но говорила, что они очень слабы. Ты обижался и уходил, а я заболела на несколько дней. Порой, не вытерпев боли, я звонила тебе, чтоб услышать, быть может, про Большую Медведицу. “Не будь навязчивой”, — ты этого никогда не говорил, но я всегда это слышала. А мне в такие дни нужно было непременно хоть кому-нибудь о ней рассказать, и о тебе, конечно. Не знаю, почему я шла тогда к Наташке, наверно, потому, что она тебя не знала.

— Наташ, я, кажется, влюбилась, — говорила я Наташке.

— Опять, — говорила она. — И опять безответно. — Наташка меня жалеет. — Ну, расскажи.

И я рассказывала. Что может быть банальнее рассказов про человеческую любовь? Встретились он и она, и полюбили друг друга, но есть непреодолимые препятствия, которые им надо преодолеть, чтоб быть всегда вместе, иначе один из них, что означает — оба они, погибнут. Я очень красиво умела рассказывать, и Наташка верила мне, не догадываясь, что речь идёт всегда об одном человеке.

— И какие же теперь непреодолимые препятствия? — всякий раз спрашивала она.

— Они есть, — очень серьёзно отвечала я. — Мы с ним, как полагаются, гуляли под звёздами, а он их не видел, он даже ни разу не вспомнил про Большую Медведицу. Чего можно ждать от человека, который не видит звёзд? — Мне становилось только хуже от своих рассказов, от этих разговоров, я каждый раз всё сильнее раскаивалась, зачем иду, зачем говорю.

— Ты ведь знаешь, что я тебе скажу, — говорила Наташка. — Главная твоя беда в том, что ты всё хочешь понять. А женщина должна жить сердцем. Сходи в церковь. Это очень опасно — видеть в звёздах больше, чем в них есть на самом деле!

— Ты всегда всех куда-нибудь посылаешь, не к астрологу, так в церковь, — судила я при этом Наташку и всё сильнее злилась, зная, что она права.

Она давно уж выбросила все свои книжицы про звёзды, окрестилась сама, мужа и детей окрестила, теперь они всей семьёй соблюдают посты и другие православные обряды. Да ведь я-то крещена во младенчестве и знаю, как надо серьёзно, и строго, и чинно, безгрешно и чисто идти к церковь, меня этому учила мама. А я?

И я пошла. Вчера? Да, это было вчера. Я стояла в маленькой полутёмной церкви, холодной и бедной. Радостные старушки в толстых шалих истоиво крестились. Священник был молод, русоволос и светлоглаз. Наверно, он этого не читал в те мгновенья: “...и станут едина плоть, един дух...”, он просто пел, высоко и легко: “величит душе моя Госпо-ода... и возрадовася дух мой о Бозе Спасе моем...”, обходя с кадилом наше небольшое собранье. Вот эта волна, ощутимая физически: и аромата, и воздушного движения, и звука, приблизилась ко мне, вот она меня коснулась...

И слезы мои были безмолвны, их было много, я их не прятала. Будто камешки или льдинки, скатывались они с души, как с горы, по моим много лет сухим щекам. И освободившая, пусть ненадолго, душа сама собою заговорила. “Господи, — говорила она. — Прости меня, Господи. Благодарю Тебя за то, что столько лет всё это у меня было. Благодарю Тебя, Господи, что всё это у меня есть”.

— Привет, — сказал ты, когда я, выйдя из маленькой церкви и пройдя по морозной и тёмной декабрьской улице, свободная, радостная и лёгкая, как никогда прежде, вступила в жёлтый тёплый круг фонарного света на тропинке, ведущей к дому. — Где бродила та, что спит под Большой Медведицей? Где она бывала?

— Она бывала в церкви, — очень серьёзно ответила я и тогда только в голос заревела. — Оставь, пожалуйста, свои глупые шуточки.

И слезы уже не катились и не скользили по моим горящим щекам, они застывали на них, не пролившись. И ты в ответ ничего не сказал. Ты снял перчатку и тёплой ладонью убрал льдинки с моего лица, потом горячими губами гладил мои щёки, не давая образоваться на них новому льду и говорил:

— И вдохновенно будешь каяться... Молитву Господу творя... Смотри, как ангелы слетаются... На свет ночного фонаря...

— Когда ты это сочинил? — спросила я.

— Это было вчера, лет пятнадцать назад... — легко ответил ты и добавил вполне серьёзно: — Ты возьмишь меня завтра в церковь?

А я не знаю. Я больше уже ничего не знаю: зачем это всё было и было ли оно: широкое поле, чёрный лес, и маленькое тихое озеро, и тёмное небо, и Большая Медведица, и Наташка, и страшный ветер. Я только знаю, что никакого времени не хватит, чтоб я успела тебе про всё это рассказать.